

ЕСЛИ Свердловск называют уже в 20-е годы культурным городом, то подразумевается и успехи оперного театра, и отношение к нему публики. Удивительное внимание и дружелюбие зрителей ощущают не только блестящие мастера, которые выступают в спектаклях нашего театра, но и творческая молодежь, приходящая на сцену Свердловской оперы.

Подтверждение тому — недавние письма С. Я. Лемешева к Н. С. Кутеповой, концертмейстеру, с которой он делал свои первые оперные партии. Вот некоторые строки из них: «...Не знал я тогда, что первый год моей работы в театре будет для меня таким дорогим воспоминанием на всю жизнь». А вот еще: «Я чувствую, что в моем сердце давно организовался уголок, в котором поместились и всегда живут самые теплые и радостные воспоминания о далекой моей молодости, о первых моих неуверенных, но приятных шагах на свердловской сцене. Приятных потому, что зрители тогда очень доброжелательно меня принимали. Это окрыляло меня, вселяло надежды на будущее».

Но при общем сердечном отношении публики к труппе театра были у нее и свои избранники. И одним из первых — В. Г. Ухов. Этот певец — целая эпоха в театре. Те, кому довелось его слышать, никогда не забудут его Онегина, Фигаро. И любители Ухова не только слушатели. Необычайно ценили его и коллеги как вокалиста, как актера, как человека.

Много лет спустя, в 1963 году, на праздновании 50-летнего юбилея нашего театра вновь встретились друзья и коллеги В. Г. Ухов и Н. С. Козловский, певший Ленского. Вышли они на сцену, и зазвучали первые такты, первые фразы дуэта из сцены дуэли: «Враги, враги... Давно ли друг от друга нас жаждала мести отвела...»

— Ну какие мы с тобой

«Такое дорогое воспоминание...»

Ретроспектива музыкальной жизни города

враги, Вася! — прервал Иван Семенович, идя к Ухову с раскрытыми объятиями. И зал взорвался аплодисментами.

А Ф. С. Мухтарова?!

Певца без образования, с голосом, поставленным от природы, она запомнилась прежде всего в таких партиях, как Кармен, Амнерис, Далила. Вот я держу в руках фотографии, где Мухтарова в ролях Далилы и Кармен. Даже на фотографии, где нет движения, — редкой красоты пластика. Мухтарова была поразительно естественной в «Кармен». Пение являлось для нее самой богатой формой выражения чувств, и она не играла Кармен, нет, она была ею!

Для свердловчан старшего поколения даже простое перечисление состава труппы тех лет было бы, вероятно, поводом для многих ярких воспоминаний.

Незабываемым в их памяти остался феноменальный бас Пирогова. Всего один сезон пела у нас Бокова. Было это в 1925 году, но и сейчас, сорок с лишним лет спустя, вспоминают слушатели, сколько тепла, поэзии, глубокого русского обаяния внесла она с собой в партию Татьяны из спектакля «Евгений Онегин».

Преемницей ее в Свердловске стала Баратова. В спектаклях, где заглавную партию пела Баратова, и у всех других исполнителей были просто невозможны оперная поза, худолость, душевная фальшь.

А в театре между тем появляются новые певцы, которые достойно входят в слаженный актерский ансамбль, — басы Месняев и Серебровский, тенор Коробейченко.

На гастрольных афишах — имена Неждановой, Собина, Рейзена, Барсовой, Норцова.

И хотя очень много интересного в жизни театра остается еще не затронутым, нам пора выйти за его пределы.

Как уже говорилось, симфонического оркестра в Свердловске тех лет не было, и вот дирижеры и оркестранты оперного театра взяли на себя труд восполнить этот очень ощутимый в городе, где любили музыку, пробел. На протяжении многих лет музыканты оркестра играли симфонические программы. Они были достаточно разнообразны, но самое почетное место в них принадлежало Бетховену, потому что не было в классическом наследии другого художника, так полно и страстно выразившего в своем творчестве прометеевский дух революции.

Особенно интенсивной концертная жизнь становилась летом, после окончания театрального сезона. Этого ждала и даже настоятельно требовала свердловская публика.

Просто немисливо было нарушить традицию, которая существовала уже второе десятилетие: в клубном саду (который потом был переименован в сад им. Вайнера) любители, меломаны, летом разлученные с театром,

собирались на симфонические концерты.

Кстати, когда мы говорим о традициях летних парковых концертов, то подмечаем любопытную консервативность в разделении функций: в клубном саду исполнялась классическая музыка, а в Харитоновском (сад Дворца пионеров), где и до революции давались развлекательные музыкальные представления, в 20-е годы шли легкие, эстрадного типа концерты, а с 1924 года летом там работала оперетта.

С охотой и интересом едут в Свердловск прославленные советские музыканты. Многократно выступает здесь Г. Нейгауз, одновременно в двух залах играют лучшие камерные ансамбли Союза — квартет им. Стравиниуса и квартет им. Вильома.

Все шире и разнообразнее становится у нас слушательская аудитория. И вот событие, которое позволило совершить в этом процессе качественный скачок: в 1927 году начало работать Свердловское радио.

Даже трудно себе представить, зная сегодняшний радиокомитет с его техническими кадрами, многими редакциями, между которыми четко разграничены сферы деятельности, с его большими и малыми студиями — трудно себе представить, что тогда Свердловское радио умещалось в двух небольших комнатах и штат его состоял из 4 человек: двух техников, штатного концертмейстера и директора. Так как техники

были целиком заняты в своей сфере деятельности, директор и концертмейстер, по-видимому, рассматривались как творческий цех комитета. Поэтому в продолжение достаточно долгого времени им пришлось исполнять и функции дикторов.

На первых порах в студии читали только «Последние известия». Музыкальные же передачи были связаны с техническими трудностями, а иногда даже курьезами. Пригласили для выступления О. М. Окуневу. А примитивные микрофоны не выдерживают ее голоса. Микрофон закрывают тряпками, певцу ставят в угол комнаты, лицом к стене, но в эфир, несмотря на эти ухищрения, идет сплошной треск. А ведь предварительной записи тогда не делали, передача шла прямая.

Первое выступление Мухтаровой вообще не состоялось. Фатима Саббаровна была в состоянии такого психологического шока от сознания ответственности, микрофон действовал на нее так гипнотически, что после того, как отзвучало фортепьянное выступление, она еще несколько секунд постояла молча с широко открытыми глазами, затем опометью выскочила из студии.

После этого была найдена другая форма работы, которая прекрасно оправдала себя и просуществовала многие годы.

В больших залах — «Деловом клубе», в клубе печатников, в Доме работников просвещения — организовывались концерты, в которых принимали участие лучшие силы города. Эти концерты транслировались по радио. Зрительным залом становилась многотысячная аудитория.

А впереди у города была пора подлинного расцвета — время, когда откроются первые на Урале консерватория, филармония, театр музыкальной комедии, но все это — уже за порогом 20-х годов.

Н. ВИЛЬНЕР,
музыковед.